

граммах: *кусть—наизусть, нетъ—на подклетъ, календарь—жарь, дарь—календарь* и пр. Это обстоятельство заставило нас усомниться в правильности атрибуции — и справедливо: проверка по документам показала, что автор стихотворения «Идиллия, Силен» — Лука Сичкарев («Л. С.») и что никакого отношения к этому изданию Сумароков не имел.⁴³

Третьестепенный поэт семинарской школы Л. Сичкарев столь же эклектичен в рифмовке и других (впрочем, весьма немногих нам известных) стихотворений. Так, например, в «Надгробной песни... М. В. Ломоносову» у него ломоносовские бедные открытые мужские рифмы (*умы—струи, Петра—предприятя, труба—всегда*) сочетаются с барковскими приближительными рифмами (*предаст—часть, стрел—свирель*) и ассонансами Третьяковского (*ток—умолк, зреть—смерть, дом—он, высокого ума возвышенная бровь—скрывается во гроб*).⁴⁴

Сумароковской — и в еще большей степени французской — точной рифмовке следуют И. Елагин, А. Ржевский, И. Богданович, М. Херасков, М. Храповицкий, И. Хемницер, П. Фонвизин, Д. Фонвизин, Н. Хрущев и другие. Поэты «французской» школы точной рифмовки избегают не только ассонансов, приблизительных рифм и усечений, но даже и точнейших для слуха рифм с чередованием *ться—гся*, узуально точным *г—х* и т. п.

Рифменные стандарты, связанные с определенными словесно-образными конструкциями, которые в свою очередь были обусловлены типологической нормативностью классицизма, уже к концу 60-х годов привели к кризису в рифме. Что положение стало буквально нестерпимым, понимали все крупные поэты. Однако пути выхода из него они изыскивали разные.

Меньше других страдал от недостатка рифм Сумароков — в силу широты лексических вариантов, употреблявшихся им. Однако и он, чувствуя кризис рифмы, пытался доказать богатейшие возможности языка и создавал такие стихи, как «Двадцать две рифмы», где объединил в одном произведении и рифмы стандартного одического типа, и рифмы, более характерные для средних жанров, и рифмы редкие или вовсе не употреблявшиеся. С другой стороны, особое внимание в 70-х годах Сумароков уделяет белым стихам.

Иной путь избрал В. Петров, который пытался обогатить рифмовку либо за счет славянизмов, либо введением разного

⁴³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 4, № 33/1, л. 39.

⁴⁴ На происхождение ассонансов Сичкарева достаточно определенно указывает «возвышенная бровь» — образ, заимствованный у Третьяковского, который был ядовито высмеян Сумароковым.